

Поскольку начальство решило устроить переполох, подчинённые, уже продавшие свои души, естественно, не стали возражать.

В офисе У Хэн с лёгкой долей безнадёжности смотрел на Суна Цисиня, который сидел у окна и разговаривал по телефону. Сегодня вечером он снова убедился — этот парень и его отец, несомненно, родственники. Даже такие внезапные атаки они устраивают одинаково, просто мастерски.

Что ж, он, конечно, мог догадаться, почему Сун Цисинь так поступил, но тот факт, что за все эти дни он ни словом не обмолвился об этом, а сразу же решил всё на месте... Такая смелость и решительность либо присущи новичку, либо унаследованы от самого Сун Цзюня.

Сун Цзюнь за годы своих бизнес-сражений тоже часто срывался. Но именно благодаря его внезапным решениям, которые никто не мог предсказать, он избегал множества скрытых угроз и ловко хватал возможности, о которых другие даже не думали.

Когда остальные наконец понимали, что произошло, он уже успевал закрепиться на своих позициях, оставляя конкурентов пыль глотать или полностью подавляя их под весом Чэньси.

Поэтому, увидев внезапный ход Суна Цисиня на совещании, У Хэн, уже закалённый в боях рядом с Сун Цзюнем, ни тогда, ни позже не стал ничего говорить. Даже он считал, что лучше бы Сун Цисинь не брался сразу за такую сложную задачу, а вместо этого взял под контроль другое направление, участвуя лишь тогда, когда ему захочется, и таким образом учился бы тому, что хочет.

Но что действительно удивило У Хэна и одновременно поразило его больше всего этим вечером, было отношение Суна Цисиня к сотрудникам, чей средний возраст был как минимум на пятнадцать лет старше его. Та уверенность и тактичность, с которой он держался, просто не позволяли отвести от него взгляд.

— ...Ты, чёрт возьми, не мог заранее со мной посоветоваться?! — Громкий голос Сун Цзюня отчётливо донёсся до У Хэна, стоявшего у двери.

Сун Цисинь дождался, пока отец выговорится, и, вернув телефон к уху, с улыбкой начал успокаивать и одновременно увливать:

— Разве не ты сказал, что я могу полностью взять на себя ответственность? И что могу делать всё, что захочу.

— Я же всё для тебя делаю?! Даю тебе должность главного режиссёра, а ты отказываешься, предпочитая быть продюсером? Да и к тому же, место продюсера и так твоё! Зачем ты отдаёшь режиссёрскую позицию этому Чжоу... Чжоу... как его там? Ты просто отдаёшь такой шанс кому-то другому! Я что, с ума сошёл, чтобы отдавать такой шанс кому-то другому?!

Сун Цисинь вздохнул и терпеливо объяснил:

— Папа, подумай, если я, такой зелёный новичок, возьму на себя роль главного режиссёра, разве не придётся мне постоянно учиться у других режиссёров и спрашивать их совета?

Он сделал паузу, услышав молчание на том конце провода, и продолжил:

— Если я буду постоянно спрашивать совета и учиться у других на протяжении всего съёмочного процесса, то все актёры и члены съёмочной группы узнают об этом. Когда фильм будет завершён, независимо от его успеха, в индустрии меня будут считать неспособным самостоятельно снять хороший фильм. Даже если в будущем я научусь всему и смогу сам снять фильм, люди всё равно будут использовать это против меня, говоря, что мои достижения — результат работы подставных лиц.

Сун Цзюнь, выслушав объяснения сына, замолчал. На самом деле он и раньше знал об этих проблемах, но не придавал им значения. Он был уверен, что сможет всё уладить своими силами, но если сын не хочет, чтобы на нём было это пятно, то пусть будет по его.

Сун Цисинь продолжил объяснять отцу по телефону:

— Если я не буду продюсером, который просто вкладывает деньги и ничего не делает, то работа продюсера будет гораздо более занятой, чем у режиссёра. Я смогу участвовать в каждом этапе съёмочного процесса. Я также смогу взять на себя съёмку некоторых неважных сцен, пока буду учиться у режиссёра Чжоу. Когда фильм будет завершён, я уже освою всё, что нужно. Разве это не лучше? В будущем, для дополнительного опыта, можно будет добавить моё имя в список ассистентов режиссёра, и у меня уже будет официальная работа в качестве участника съёмочной группы. Мы можем просто поставить моё имя в титрах пораньше, и это не будет проблемой. Да и имя продюсера в начале титров тоже нормально.

Сун Цзюнь, смеясь и раздражаясь одновременно, ответил:

— Ты всё красиво придумал! Я велю поставить твоё имя в самом конце! Это я ещё могу решить! Ладно, раз уж ты всё сказал, я не могу тебя остановить, только не устраивай больше никаких сюрпризов, а то мне придётся молиться Будде!

Закончив разговор, Сун Цзюнь, поглаживая подбородок, задумался — нет, нужно поторопиться, даже если придётся самому сначала поехать. Иначе, если оставить парня одного в Императорской столице, кто знает, не сожжёт ли он её дотла к тому времени, как он сам переедет туда после Нового года?

Он размышлял: «Почему теперь, когда сын стал более понимающим и заботливым, забот стало только больше?»

Когда Сун Цисинь закончил разговор, У Хэн вовремя спросил:

— Пойдём домой сейчас? Или перекусим немного?

Совещание длилось недолго, но всё же заняло более двух часов, и уже было около девяти вечера.

Сун Цисинь подумал. Хотя он чувствовал лёгкий голод, но ведь он специально выбрал кашу на ужин, чтобы избежать жирной пищи в последние дни. Если сейчас съесть ещё что-то, весь смысл ужина пропадёт...

Он немного поколебался, но всё же покачал головой:

— Пойдём домой.

У Хэн, с улыбкой, скрытой за очками, поднялся, чтобы помочь Сун Цисиню собрать вещи:

— Когда мы ужинали, я заказал несколько порций каши, дома можно разогреть и выпить перед сном.

Сун Цисинь облегчённо вздохнул и кивнул с улыбкой:

— Хорошо, тогда дома выпьем каши.

В просторном офисе только двое собирали вещи. Прежде чем покинуть комнату, У Хэн немного отступил, позволив Сун Цисиню выйти первым. Поворачиваясь, чтобы выключить свет, он мельком увидел в отражении на стеклянной стене их фигуры — один впереди, другой сзади, сливающиеся воедино, создавая странное ощущение гармонии.

У Хэн почувствовал лёгкую странность, но, привыкнув, уже выключил свет и закрыл дверь. Уходя, он ещё раз увидел их отражение на стекле, которое постепенно исчезало за закрывающейся дверью, но казалось, что они стали ещё ближе...

С этим странным чувством У Хэн закрыл дверь и обернулся, увидев, как Сун Цисинь с лёгкой улыбкой смотрит на него и, убедившись, что дверь закрыта, направился к лифту:

— Кажется, дома есть консервированные овощи, которые мы купили в прошлый раз в магазине?

— Есть восьмислойный салат. — Полностью игнорируя странное ощущение, У Хэн последовал за ним к лифту.

Занятия в воскресенье были более спокойными: утром не было уроков, и студенты могли спокойно поспать подольше, а во второй половине дня у них было два больших занятия.

Сун Цисинь не привык спать до обеда. Он встал в обычное время, сделал зарядку, а затем сел за стол с У Хэном, чтобы позавтракать — соевым молоком и жареными палочками.

Сун Цзюнь не заметил, что раньше его беспокоило только то, почему сын не хочет учиться. Теперь же он беспокоится обо всём, что сын делает, не делает, и что могут сделать с ним другие. Разве не естественно, что забот стало больше?

<http://bllate.org/book/16375/1481442>